

КАДЕТСКИЕ ТРАДИЦИИ В РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А. Н. Гребёнкин

Орловский государственный университет

Поступила в редакцию 27 декабря 2008 г.

Аннотация: статья посвящена одной из важнейших составляющих социокультурного пространства кадетских корпусов Российской империи эпохи Александра I и Николая I — традициям, бытовавшим в среде воспитанников. В настоящей работе на основе изучения мемуаров выпускников военных учебных заведений предпринимается попытка показать место кадетских традиций в иерархии корпусных обычаев и традиций, дать их классификацию, выяснить место, время и условия возникновения.

Ключевые слова: традиции, кадетский корпус, социокультурное пространство.

Abstract: this article is devoted to one of the most significant parts of social and cultural world of Russian military schools under Alexander I and Nicolay I — traditions of Russian cadets. The article presents an attempt to show the place of these traditions in the hierarchy of school military customs, to classify them and to elucidate time, place and conditions of their beginning.

Key words: traditions, military school, social and cultural space.

Первая половина XIX в. — это время становления системы военно-учебных заведений Российской империи, упорядочения учебно-воспитательной работы в них и попыток регламентации всех сторон корпусной жизни. В частности, в 1830 г. были приняты «Общие положения для всех военно-учебных заведений» — до этого каждое заведение имело свой устав и свою программу обучения, «исходя прежде всего из...вкусов и требований лица, курирующего данное заведение, и непосредственно главы...военно-учебного заведения» [1, с. 42].

Одновременно с унификацией и стандартизацией системы военного образования при Александре I и Николае I достигли своего логического завершения начатые еще их отцом последовательная милитаризация кадетских корпусов и превращение их в сугубо военные учебные заведения. Тем самым не только изгонялась энциклопедичность образования, которая в конце XVIII в. делала корпус неким подобием университетского пансиона, но и коренным образом менялась сама образовательная среда, в которой выковывалась личность будущего офицера.

Александровская и николаевская эпохи стали временем зарождения, становления и укрепления обычаев и традиций кадетских

корпусов. В дальнейшем эти обычаи и традиции, оформившись в стройную систему, оказывали колоссальное воздействие на ход всей корпусной жизни — будь то учеба, досуг, отношение к начальству, преподавателям, товарищам. Милютинские реформы, изменив направление деятельности средних военно-учебных заведений, не смогли ослабить действие большинства традиций и обычаев, за исключением тех, что отличались наиболее вопиющей грубостью, — например, чудовищных по своей дикости выходок старшеклассников. При Александре III в возрожденных кадетских корпусах были реанимированы почти все традиции — как хорошие, так и дурные, — в том числе и корпусная дедовщина, которая, впрочем, присутствовала и в военных гимназиях. Корпусные обычаи и традиции, подвергаясь лишь косметическим изменениям, вызванным веяниями новой эпохи, благополучно просуществовали до 1917 г., а затем переместились вместе с воспитанниками в эмиграцию и оставались в силе до 60-х гг. XX в., пока не закрылся последний эмигрантский кадетский корпус. И на протяжении более чем столетия все поколения российских кадетов, начиная с воспитанников милютинских военных гимназий и заканчивая потомками эмигрантов, получавших образование в русских кадетских корпусах на чужбине, утверждали, что следуют заветам своих предшественников — лихих «николаевских майоров». Поэтому можно гово-

рить о том, что в первой половине XIX в. были заложены основы нравственного кодекса людей, готовившихся к офицерской карьере, — основы, которые оставались в силе на протяжении более чем столетия.

Настоящая работа посвящена анализу сущности кадетских традиций — системе неофициальных традиций и обычаев, бытовавших среди воспитанников российских военных учебных заведений в первой половине XIX в. Цель исследования — сформулировать понятие кадетских традиций, охарактеризовать отдельные традиции, выяснить влияние кадетских традиций на корпусную жизнь. В своей работе мы опирались в основном на опубликованные мемуары выпускников военных учебных заведений, содержащие сведения о «внутренней», повседневной жизни кадетских корпусов, не отраженной в официальной документации.

***Кадетские традиции и традиции
российских кадетских корпусов:
соотношение понятий***

В самом широком смысле под традициями понимают «элементы социального и культурного наследия (идеи, взгляды, вкусы, образ действий, *обычаи* (курсив наш. — А. Г.), передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в течение длительного времени» [2, с. 807]. Таким образом, обычаи являются составным элементом традиций и одновременно традициями в узком смысле слова. Следовательно, говоря о традициях кадетских корпусов, мы должны иметь в виду и обычаи, и наоборот. Однако между этими понятиями в их приложении к кадетским корпусам есть лишь одна исторически сложившаяся разница, о которой будет сказано ниже.

Что же следует понимать под традициями, имевшими место быть в кадетских корпусах? По определению В. М. Крылова и В. В. Семичева, «применительно к воспитанникам кадетских корпусов под традициями можно понимать такие наиболее существенные черты их военного, социального и нравственного облика, которые определялись, передаваясь от одного поколения кадет к другому, особенностями их воспитания и поведения» [3, с. 149].

Это определение, в целом достаточно полное и развернутое, не учитывает, однако, *поведенческой* составляющей традиций кадетских корпусов, которая всегда выступала в них на первый план. Достаточно спорно и раскрытие авторами содержания этих традиций, под которым они предлагают понимать:

« — самоотверженное служение Отечеству, верность воинскому долгу, патриотизм;
— глубокие профессиональные знания;
— высокая образованность и эрудиция;
— высоко развитое чувство войскового товарищества, порядочности и чести» [3, с. 149].

Из четырех перечисленных Крыловым и Семичевым «существенных черт» облика кадетов лишь последняя может быть с полной уверенностью причислена к традициям кадетских корпусов. Остальные — лишь благие пожелания корпусного начальства, зафиксированные во вполне официальных документах, «спускаемых» сверху и отражающих желаемый (но не реальный!) образ кадета, угодный начальству.

Это подчеркнуто и самими авторами, упомянувшими, что «своеобразным символом этих традиций стали девизы воспитанников кадетских корпусов, запечатленные в очерках, посвященных истории военно-учебных заведений, в нагрудных знаках и жетонах» [3, с. 149].

Более развернутое определение традиций дано Е. В. Климашкиной. Она подчеркивает поведенческую составляющую традиций: «Кадетские традиции — это передающиеся от поколения к поколению кадет и сохраняющиеся длительное время в кадетской среде общественные и воинские ценности, правила и нормы поведения» [4, с. 149].

Кроме того, Е. В. Климашкиной четко обозначена взаимосвязь официальных традиций кадетских корпусов и традиций, идущих «снизу», от самих кадетов: «Традиции возникали в недрах кадетской среды. Но помимо них существовали официальные традиции кадетских корпусов. Это прежде всего их история, корпусные праздники, процедура проведения которых была у каждого корпуса своя, торжественные построения и марши по улицам города, храмовые праздники и дни поминовения, церемония прибивания знамени к древку, публичные концерты, спортивные выступления и пр. ...» [4, с. 91—92].

Строго говоря, практически все официальные, *корпусные* традиции (в отличие от неофициальных, *кадетских*) нельзя назвать *обычаями*. Эта разница между ними препятствует их полному слиянию. С одной стороны, носителем *корпусных* традиций было в первую очередь начальство и лишь во вторую очередь — сами воспитанники (поэтому это были *традиции* прежде всего *корпуса* и уже лишь потом — *воспитанников*). С другой стороны, носителями *кадетских* традиций были сами *кадеты* (как правило, вопреки воле на-

чалства), и в силу этого носителем этих традиций-обычаев становился корпус. Корпусные традиции шли сверху вниз, кадетские — снизу вверх. Пересекаться они могли по меньшей мере в трех вариантах.

Один из этих вариантов был обозначен Е. В. Климашкиной: «Некоторые корпусные традиции смыкались с кадетскими, что особенно ярко проявилось в так называемых кадетских заповедях. Их авторами могли быть кадеты, воспитатели, даже сам директор. Авторство...значения не имело, лишь бы данное правило соответствовало общему настрою и разделялось кадетской средой. В наиболее полном виде эти заповеди существовали в виде «Правил Русского корпуса» или «Заветов генерала Адамовича своим кадетам» [4, с. 92—93].

Эти заповеди появились лишь в XX в. «Заветы генерала Адамовича...» появились в 1934 (! — А. Г.) году, в эмиграции. Самый ранний вариант, по-видимому, относится к 1913 г. Авторство его принадлежит великому князю Константину Константиновичу. Таким образом, этот вариант слияния появился очень поздно, имел ходульный характер, насаждался сверху и получил распространение главным образом в эмигрантских военно-учебных заведениях, и то не по всем пунктам. Смысл его виделся начальством в первую очередь в том, чтобы смягчить нравы путем узаконения в среде воспитанников идущих «сверху» правил, которые были очень хитро замаскированы среди нескольких десятков других «заветов», идущих от самой кадетской среды и санкционированных, наконец-то, начальством.

Это был официальный писанный вариант традиций (неофициальным была подпольная «Звериада»). Обычно же традиции, как это верно отмечено Е. В. Климашкиной, «представляли собой сложный, неписанный кодекс внутренней жизни и взаимоотношений, тесно связывающий сослуживцев в единую семью» [4, с. 92].

Другие варианты пересечения кадетских корпусных и кадетских традиций заключались в следующем.

Первый вариант представлял собой полное совпадение того, что начальство одобряло в поведении кадетов, и того, что одобрялось самими кадетами независимо от начальства. Это прежде всего отношение к Отечеству, монархии, вере, оружию и т.п.

Второй вариант — это санкционирование начальством ряда кадетских традиций, выгодных самому начальству. К ним можно отнес-

ти одну из самых главных традиций — традицию товарищества.

Наконец, как исключение можно рассмотреть в качестве еще одного варианта добровольное принятие взглядов начальства кадетской средой. Так произошло во Втором кадетском корпусе в 1841 г., когда начальник штаба корпуса Р. произвел подлинный переворот в сознании воспитанников [5].

Таким образом, обычаи и традиции кадетских корпусов включают в себя три группы явлений.

Первая группа — это корпусные традиции. Под ними следует понимать официальные мероприятия, носящие торжественный, церемониальный характер, которые санкционированы начальством и служат целям воспитания кадетов в духе служения Отечеству.

Вторая группа — кадетские традиции. Это устойчивые, исторически сложившиеся и не зависящие от воли начальства социокультурные коды поведения, санкционированные обществом самих воспитанников и обеспеченные возможностью физического и морального приращения.

Третья группа — это традиции, находящиеся на стыке относящихся к первым двум группам.

О том, какие явления относятся к кадетским традициям и какую классификацию им можно дать, нельзя говорить с большой определенностью. Следует учитывать, что одни традиции были общими для всех корпусов, другие существовали лишь в пределах одного учебного заведения. Надо иметь в виду и временной фактор: многие традиции угасали, им на смену приходили новые.

В наиболее общем виде содержание «старых кадетских традиций» — «честность, доброе имя, дух товарищества» [6, с. 15] — приведены в работе К. Волховского «Первый кадетский корпус». Если попытаться дать более развернутую характеристику традициям, общим для столичных кадетских корпусов и Школы подпрапорщиков первой половины XIX в., то их можно выстроить в следующую иерархию:

1. Традиция противопоставления воспитанников воспитателям и настороженное отношение к последним, часто перераставшее во враждебность не только к начальству, но и к корпусным порядкам в целом. С одной стороны, существовала масса кадетов, спаянная товарищескими узами, а с другой — был официальный мир преподавателей и начальников, представители которого, как правило, на-

саждали нужные им порядки с помощью окриков, брани и розог.

2. Традиция товарищества. Ее составными частями были взаимопомощь кадетов при наказаниях, запрет на жалобы и фискальство, запрет на выделение из общей массы воспитанников.

3. Культ грубости и показного молодечества, неприязненного отношения ко всему невоенному. Его носителями были «коренные кадеты» («закалы»), дурно учившиеся, систематически нарушавшие дисциплину и дерзившие начальству. Это была ответная реакция на грубость начальников и учителей.

4. «Цук» — традиция подчинения младших воспитанников старшим, которая часто выливалась в неприкрытое издевательство. Угнетателями в большинстве случаев были «закалы». Традиция «цука», как это ни странно, вступала в противоречие с традицией товарищества.

Особняком стояла тесно смыкавшаяся с официальными требованиями традиция поддержания собственного достоинства и чести всего корпуса.

Кроме того, в каждом отдельно взятом военном учебном заведении существовали свои традиции. Например, в Первом кадетском корпусе это была традиция помощи «столбовым» (арестантам), во Втором — традиция деления корпуса на «общества», в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров — культ дикого и необузданного разгула и т.д.

По мнению Е. В. Климашкиной, «в своей содержательной части большинство традиций были серьезны и требовательны. Они учили преданности Отчизне, Вере, начальникам, прививали любовь к армии и своей части, воспитывали молодежь с ранних лет уважать старших, уметь подчиняться... Они требовали неуклонного соблюдения законов войскового товарищества, личного достоинства и чести, развивали сообразительность, мужество и отвагу, побуждали жертвенность по отношению к своим товарищам, учили поступать личными интересами. В своей внешней, обрядовой части традиции выражались по-разному и часто имели озорной, шутливый характер, что вполне соответствовало настроению молодежи. Они вносили в строгую казенную обстановку свежесть, разнообразие и юмор, причем немалую роль играл соблазн риска, так как их реализация нередко требовала нарушения существующего порядка со всеми негативными последствиями для участников» [4, с. 91].

В эту в целом емкую и верную характеристику необходимо внести ряд корректировок. Во-первых, спорно утверждение Е. В. Климашкиной о том, что традиции «учили преданности Отчизне, Вере, начальникам» и т.д. Как будет показано ниже, кадетские традиции имели своим корнем не преданность начальству, а, наоборот, ненависть к нему. И, к сожалению, даже самые лучшие из традиций вносили в жизнь кадетов не только «свежесть, разнообразие и юмор», но и грубость и жестокость, ибо обеспечивались они возможностью применения физического насилия.

Разумеется, точную дату возникновения той или иной кадетской традиции установить невозможно. Имена тех, кто положил ей начало, так и останутся неизвестными. Однако на основании тщательного анализа воспоминаний бывших воспитанников кадетских корпусов можно попытаться приблизительно определить время, место и условия возникновения кадетских традиций.

Время и место возникновения кадетских традиций

Что касается времени, то здесь можно с полной уверенностью говорить о том, что большинство кадетских традиций берут свое начало в царствование Александра I. Воспоминания бывших питомцев Ангальта и Меллиссино не содержат упоминаний о товариществе, «закалах» и враждебном отношении к преподавателям. В то же время реанимированные в кадетских корпусах времен Александра III традиции жестокости и «цука» апеллировали к порядкам кадетских корпусов эпохи Николая I, когда эти традиции уже имели освященную временем историю существования. Таким образом, основы кадетских традиций были заложены в первой четверти XIX в. Окончательно оформились они в 30—40-е гг. XIX в.

А. А. Михайлов считает, что ряд мрачных кадетских традиций (в частности, «цук») возник во второй четверти XIX в. Следует, однако, отметить, что первое упоминание о традиции «закальства» (в уже сложившемся виде) во Втором кадетском корпусе относится к 1822 г. [7, с. 142], а угнетение старшими младших в том же корпусе возникло в самом начале XIX в. [8, с. 558]. В Первом кадетском корпусе «закалы» появились в директорство Клингера (т.е. до 1820 г.) [9, с. 705].

Что касается вопроса о месте возникновения традиций (сложились ли они в одном учебном заведении и затем распространились в другие или же возникли одновременно в

разных кадетских корпусах), то здесь однозначный ответ вряд ли возможен. С одной стороны, между отдельными военно-учебными заведениями существовала вражда либо искусственно созданная изоляция (враждовали Первый и Второй корпуса между собой; воспитанники Школы подпрапорщиков неприязненно относились ко всем кадетам без исключения, считая себя выше их; кадетам Второго кадетского корпуса и воспитанникам возникшего при нем Дворянского полка было запрещено общаться друг с другом [10, с. 199]). С другой стороны, изоляция никогда не была полной, и некоторые обычаи одного учебного заведения могли невольно усваиваться воспитанниками другого. Наконец, имело место и прямое заимствование, в том числе многоступенчатое. Так, традиция неприязненного отношения ко всему, что не было связано с армией, проникла в Школу подпрапорщиков из гвардейских и армейских полков, а оттуда — в кадетские корпуса. Внешние формы «цуканья» младших старшими с сопутствующей атрибутикой также зародились в «славной Школе» и уже оттуда разлетелись по корпусам — сначала столичным и московским, а затем и по провинциальным, где наложилось на давнюю традицию «воспитания» старшими кадетами младших [8, с. 558].

Условия формирования кадетских традиций были обусловлены особенностями общей политики в сфере образования (в том числе военного) в начале XIX в. По мнению Т. И. Буковской, «характерной чертой правительственного курса в области военного образования явилось резкое сокращение в военно-учебных заведениях преподавания теоретических дисциплин. Одновременно увеличивалась продолжительность занятий по строевой подготовке, произошло ужесточение правил внутреннего распорядка, дисциплины. В большинстве кадетских корпусов воцарились очень суровые нравы... Был установлен надзор над преподавателями, учителя с вольнодумными взглядами увольнялись и преследовались. На воспитательские должности стали, как правило, принимать офицеров, многие из которых ввиду отсутствия специальных знаний отличались суровостью обращения с воспитанниками» [12, с. 46—47]. А. А. Михайлов писал, что «воспоминания современников буквально переполнены рассказами о свирепых «секунах» и производившимися ими порках. Жестокость наставников порождала ответную жестокость и грубость питомцев» [11, с. 9].

Естественной реакцией на репрессивный режим было сплочение кадетов в тесное товарищество, живущее по своим, отличным от насаждаемых начальством, законам. Члены товарищества преследовали тех своих одноклассников, которые пытались угодить начальству. Нелюбимым командирам и воспитателям кадеты мстили, подчас весьма жестоко. Крайней формой неприятия корпусных порядков стало «закальство». Распространение грубости и жестокости породило угнетение старшими воспитанниками младших — как для воспитания их в духе служения товариществу и неповиновения начальству, так и просто ради издевательства или даже грабежа. Наконец, муштра и солдатчина, насаждаемые в кадетских корпусах, лишение доступа к художественной литературе и табу, наложенное на посещение кадетами театров и музеев, привели к тому, что среди воспитанников стало культивироваться пренебрежение ко всему невоенному. Особенно сильным оно было в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, где любовь к книге и наукам с самого начала рассматривалась как вещь, подлежащая искоренению, а слово «ученый» было бранным.

Влияние кадетских традиций на корпусную жизнь

Традиции, сложившиеся в первой половине XIX в., оказали большое влияние на жизнь кадетских корпусов как в этот, так и в последующие периоды. Их воздействие на кадетов было как позитивным, так и негативным. С одной стороны, сплочение воспитанников в тесную семью, взаимопомощь и взаимовыручка воспитывали готовность и в будущем помогать сослуживцам, учили милосердию и состраданию, бескорыстию и самопожертвованию. Даже атмосфера всеобщей грубости и притеснений приносила немало положительных плодов. В суровую армейскую среду выпускник корпуса приходил не как оторванный от реальной жизни мечтатель, а как закаленный боец, всегда готовый постоять за себя. Он обладал главным качеством, требовавшимся от него, — умел сражаться.

Однако традиции, сложившиеся в ответ на репрессии и насилие, априори должны были принести немало зла. Постоянная, упорная, бескомпромиссная война с преподавателями, жертвами которой были как кадеты, так и их наставники, мешала правильной постановке учебного процесса и лишила многих офицеров нормального образования. «Старокадетчина»

стала настоящей язвой на теле среднего военного образования вплоть до начала XX в., зачастую приобретая чудовищно жестокие формы. Калеча воспитанников нравственно, умственно и физически, она поломала множество судеб. Даже «закал» платил за воспитание сильного характера непомерно высокую плату, разрушая в корпусе свой разум и душу. Менее сильные духом не получали ничего, кроме страданий. Знания приносились в жертву строевым упражнениям, книги — ружейным приемам, личность — массе. Всесторонняя образованность ангальтовских времен сменилась невежественным солдафонством.

Неоднозначной была и реакция на традиции кадетов со стороны начальства. С одной стороны, руководство корпусов понимало, что наиболее типичный выпускник корпуса — волевой, с сильным характером, малорассуждающий и привыкший к подчинению офицер, чуждый «умствований», — это идеальная фигура для армии эпохи позднего Александра I и Николая I. С другой стороны, от буйной вольницы отождествлявших себя с запорожцами «закалов», баламутивших корпуса и устраивавших «бунты» и «балаганы» преподавателям и начальству, можно было ожидать чего угодно, только не дисциплины и послушания. Наиболее проникательные корпусные офицеры и педагоги понимали, что перманентная война кадетов с их наставниками — нездоровое явление, от которого необходимо избавиться так же, как от грубости и жестокости нравов.

Однако модель взаимодействия воспитателей и воспитанников была с самого начала выбрана неправильно: с явлениями, порожденными репрессиями, пытались бороться репрессиями же. Результатом было усиление вражды к преподавателям, «старокадетчины» и грубости нравов.

Между тем немногочисленные примеры показывают, что для ликвидации «старокадетчины» достаточно было отправки неспособных кадетов в армию и более гуманного отношения к оставшимся. Эти меры могли бы свести на нет негативную сторону кадетских традиций, сохранив их положительное влияние. Однако в большинстве военно-учебных заведений приоритетными продолжали оставаться такие инструменты воздействия, как карцер и

розги. Поэтому дух «старокадетчины» сохранялся в кадетских корпусах еще несколько десятилетий.

Что же касается самих воспитанников, то они воспринимали все без исключения традиции как нечто должное, освященное временем, и по прошествии многих лет с благодарностью вспоминали о корпусе, давшем им путевку в жизнь, и о своих товарищах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Целорунго Д. Г.* Военно-учебные заведения России и образовательный уровень русского офицерского корпуса в эпоху Отечественной войны 1812 года / Д. Г. Целорунго // Тезисы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Россия и Европа». — Бородино, 1992.

2. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 1999.

3. *Крылов В. М.* Звание скромное и гордое кадет. Исторические и культурные традиции кадетских корпусов России : монография / В. М. Крылов, В. В. Семичев. — СПб. : Петербург — XXI век, 2004.

4. *Климашкина Е. В.* Источники изучения педагогического опыта кадетских корпусов и военных гимназий дореволюционной России : дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 02 / Е. В. Климашкина. — Ставрополь, 2006.

5. *М. Л.* Несколько заметок о Втором кадетском корпусе // Военный сборник. — 1862. — № 4.

6. *Волховский К.* Первый кадетский корпус. 1732—1863 / К. Волховский. — СПб., 1884.

7. Воспоминания бывшего воспитанника 2-го кадетского корпуса // Военный сборник. — 1861. — № 7.

8. Записки генерал-майора Н. В. Вохина // Русская старина. — 1891. — № 3.

9. *Скалон Д. А.* Воспоминания / Д. А. Скалон // Русская старина. — 1908. — № 3.

10. *Жервэ Н. П.* Исторический очерк 2-го кадетского корпуса / Н. П. Жервэ, В. Н. Строев. — СПб., 1912. — Т.1.

11. *Михайлов А. А.* Руководство военным образованием в России во второй половине XIX — начале XX в. / А. А. Михайлов. — Псков, 1999.

12. *Буковская Т. И.* Кадетские корпуса : история, этапы становления и развития военного образования в России : дис.... канд. ист. наук / Т. И. Буковская. — СПб., 2003.

*Орловский государственный университет
Гребёнкин А. Н., аспирант кафедры истории России
angrebyonkin@mail.ru
Тел.: (4862) 55-76-05*

*Orel State University
Grebenkin A. N., Post-graduate Student of
the Department of History of Russia
angrebyonkin@mail.ru
Tel.: (4862) 55-76-05*